

Вечерняя Москва, 1967, 25 мая

ГОДАМИ ждут театральные актеры признания. А тут, не успев человек опереться, как сразу же стал всем известен. Потому что его сняли в кино. Так сравнительно недавно складывались судьбы многих актеров, которые по инерции до сих пор числятся в молодых, хотя им скоро исполнится сорок. Сегодня я хочу рассказать об одном из таких «счастливых».

Еще будучи студентом школы-студии при МХАТе, он начал сниматься в кино. Первые годы самостоятельной карьеры были похожи на сказку, к которой кто-то забыл придумать конец. Для репетиций в Художественном театре у молодого актера оставались считанные часы. Его приглашали на радио, звали в концерты, на встречи и даже просили писать статьи. Все это было не во сне, а наяву, я сам это видел. О молодом актере стали появляться статьи. Сперва в газетах и журналах, а потом и в книгах по истории кино. Оказывается, он открыл новый характер. Не больше и не меньше...

Шли годы. За восемь лет работы по МХАТе он сыграл три-четыре роли. А если говорить по большому счету — это была всего одна роль Алешки Вронского в комедии В. Раздольского «Дорога через Сокольники». Но спектакль этот (и особенно пьеса) вызвали такое негодование критики, что никто из моих коллег не заметил, как именно в этот момент и родился театральный актер Леонид Харитонов. Правда, спектакль этот, несмотря на усилия критиков, дожил до 400-го представления и здравствовал бы долее, если бы Л. Харитонов, утомленный бездельем, не перешел в Театр имени Ленинского комсомола.

В ту пору в театр этот стремились немногие. Тем труднее было понять переход, на который Харитонов шел скорее всего от отчаяния. За один сезон он сыграл три роли. Казалось бы, судьба снова ему улыбнулась. Но затем наступила пауза, которая длилась почти три года... Только актеры знают, как томительны эти дни без репетиций. Вряд ли есть еще одна профессия, где простои были бы так губительны. Одни утешают себя тем, что сама М. И. Бабанова годами не выходит на сцену. Другие, подобно Ф. Г. Раневской и Л. П. Сухаревской, всю жизнь ищут театр, где бы они работали без перерыва, до одури, каждый день! Я называл имена «блуждающих звезд» первой величины. А сколько молодых, пока мало известных актеров переходят из театра в театр, надеясь заявить о себе?! И все это входы, входы, входы...

Вот еще один. Театр имени А. С. Пушкина. «Разорванный рубль».

Пастухов — Л. Харитонов. Он очень мил, органичен, обаятелен и правдив. Но все это уже было прежде, когда актер только начинал. Подобно Пастухову, розовский Андриушка Аверин отправлялся в поисках истины из Москвы в Сибирь... И мы говорили ему вместе с автором: «В добрый час!».

С тех пор прошло 12 лет. А харитоновский герой все продолжает свои странствия. И дело даже не в том, что с годами мы не становимся моложе, хотя и это существенно. Куда больше интересует меня следующая встреча с этим безусловно одаренным актером. Следующая, а не предыдущая. А мне все время предлагают вернуться к исходным позициям. Харитонову пора уже играть Рас-

тели, никого не замечали. Вполне возможно, что гений Улановой затмевал всех остальных участников балета. Не случайно больше других запомнились С. Корень — Меркуцио и А. Ермолаев — Тибальд, занятые в эпизодах без Улановой.

Сейчас, когда Джульетту танцуют другие балерины, у нас появилась возможность подробнее рассмотреть весь спектакль. И, в частности, обратить внимание на Ромео. М. Лиєпа в этой роли радует не только как танцовщик. Он обнаруживает незаурядный актерский дар. И остается сожалеть, что его Ромео не встретился с улановской Джульеттой. Мужественный, пылкий, по-настоящему влюбленный, Ромео живет сейчас в спектакле обособленно. Его

биться к самим образам, чтобы с помощью М. Горького найти общий язык не только друг с другом, но и с современными зрителями. Удастся это далеко не всем и не во всем. Из тех, кого я видел, мне особо хочется отметить В. Шиловского — Костылева, Л. Скюдатину — Василису, В. Пешкина — Пепла, С. Десницкого — Актера, И. Тарханова — Клеца, В. Трошина — Бубнова. Каждый из них, помимо всего, говорит еще и от своего собственного имени. Отсюда родится и личная заинтересованность их героев. Мы собственными глазами видим, как они мучаются сами и мучают других, как стремятся вырваться отсюда, чтобы начать новую жизнь, и как у них ничего из этого не выходит. Постепенно мы забываем, что уже читали эту пьесу и даже видели ее на сцене МХАТа: она вдруг открывается по-иному. Очевидно, в этом сказались заслуга не только актеров, но и режиссуры, у которой в данном случае задача была не из легких. Жаль, конечно, что Луку не играл А. Грибов. И здесь я вспомнил диалог у театральной кассы, свидетелем которого стал случайно...

— Скажите, пожалуйста, кто сегодня играет? — робко спросила девушка.

— У нас все артисты одинаковые! — с достоинством сказала ей кассирша. В драматических театрах такой ответ считается признаком хорошего тона. Иначе обстоит дело в балете. Здесь все знают, что М. Плисецкая — это М. Плисецкая. А Н. Бессмертнова — это Н. Бессмертнова. И ничего тут нет заторного или дурного. Если только речь идет не о масштабах дарования, а об их индивидуальности. Но часто, к сожалению, бывает иначе.

Впрочем, свой упрек я меньше всего адресую к театральным кассирам. Здесь нужно спрашивать с тех, кто отвечает за репутацию театра не только в дни парадных премьер, но на каждом представлении, где бы оно ни состоялось. Ратую «за» входы, нельзя мириться с тем, чтобы в результате их спектакли теряли свои главные достоинства, превращаясь в искусство второго сорта. Правда, не один Лука в этом повинен. И другие тоже... Обидно, что в работе, славившейся неповторимым ансамблем, есть провалы. Особенно сейчас, после капитального возобновления, на 65-м году жизни спектакля, за год до столетия М. Горького. Надо думать, это огорчает и театр. И следовательно, будет учтено. «На дне» должно оставаться не только гордостью истории МХАТа, но и украшением нынешнего Художественного театра. Все это можно сделать при помощи входов, после которых необходимы и выводы.

Б. ПОЮРОВСКИЙ.

«В В О Д Ы И ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ В В О Д Ы»

плюева, Бобчинского, Робинзона, Вафлю, Присыпкина, Рабурдена... А актеру все время твердят: «зады», «зады», «зады», как говорит Митрофанушка, которого, кстати, ему тоже не лишне было бы попробовать сыграть. Но для этого необходимо, чтобы нашлись театр и режиссер, у которых было бы желание ввести Харитонova не на те роли, которые он уже играл, а на другие. Вот тогда были бы и входы, и выводы!

КРЕМЛЕВСКИЙ Дворец съездов специальной афишей известил зрителей о том, что балет С. Прокофьева «Ромео и Джульетта» впервые будет исполнен на его сцене. Для балетоманов это целое событие. Меня же привлек еще один ввод: Марис Лиєпа — Ромео. До него я видел в этой партии М. Габовича и Ю. Жданова, выступавших в качестве партнеров Ф. Улановой. Судя по отзывам музыкальных критиков, оба танцовщика заслуживали самой высокой оценки. И здесь я не берусь с ними спорить, потому что хореография — не моя специальность. Но я хорошо помню улановские спектакли. Рядом с Галиной Сергеевной мы, обыкновенные зри-

тельств не разделяют не только родители Джульетты, но и она сама...

Дебют Лиєпы наводит на мысль о том, что всякий ввод нуждается в том, чтобы последствия его были прокорректированы. Иначе спектакль может получить опасную пробину.

В НЫНЕШНЕМ сезоне, помимо входов индивидуальных, состоялся один массовый ввод: почти все роли в спектакле МХАТа «На дне» сыграли новые исполнители. Я, к сожалению своему, на первом представлении не был. А попал на спектакль недавно, когда играл смешанный состав. Правда, все равно в «На дне», поставленном в 1902 году, основных исполнителей не сохранилось — все, кто играет сегодня, вводились позже. И потому о них можно говорить в этой статье. Но я хотел бы ограничиться несколькими примерами.

Дело в том, что все актеры разделились на две группы. Одни выступают исключительно от имени тех, кто играл эти же роли до них, т. е. от имени традиции. Другие, не порывая с традициями, все же пытаются сквозь них про-

BM